

НАДЕЖДА ДЕГТЯРЁВА

Рассказы

Город, где ты живёшь

Тайшет. Тебе исполняется семьдесят пять. По человеческим меркам – это почти вся жизнь, а для тебя, как города – только начало. Своим рождением ты обязан железной дороге. Это она, протянувшись через всю Россию, дала тебе возможность дышать. Ты появился на перекрестке дорог, вернее, тропинок. Ты принимал и усталых кандальников, и первых переселенцев, долгие месяцы добравшихся до твоих благословенных просторов в поисках лучшей доли. Первые твои улицы назывались незамысловато – 1-ая Зелёная, 2-ая Зеленая. Наверное, из-за обилия черемухи и сирени. Ты еще мало что умел делать, но маленькая станция разрасталась, вбирая в себя пристроенные на твоих окраинах домишки, первые лавки с товарами, первую лесопилку. И ты рос. К тебе уже приезжали из окрестных селений за товарами, что-то продать, что-то купить. Время было бурное, революционное: одна война переходила в другую, но ты пережил, выстоял, деля вместе со своими жителями, заботы, беды и разруху. Потихоньку начинало развиваться производство, пусть мелкое, но разнообразное. Транссибирская железная дорога, как огромная артерия, снабжала тебя людьми, новостями, техникой, и ты строился, как и вся страна. Ты уже не был маленьким, и тебя, как возмужавшего, приняли в общество городов. Это был очень важный момент в твоей жизни, очень важная ступенька. Ты примерил на себя это звание, расправил плечи и почувствовал себя совсем взрослым. Тем более, тебе предстояло протянуть железнодорожную ветку на север, где местами даже не ступала нога человека. Но с одним тяжело тебе было смириться – с колючей проволокой лагерей.

Суровые, жесткие реалии жизни кандалами висели на тебе. Но ты не в силах был что-либо исправить...

Война не дала тебе возможности крепко встать на ноги. Пришлось провожать своих сыновей на смерть, отрывая их от мирных дел. Слезы по погибшим навсегда останутся в твоей памяти...

Срочно пришлось принимать предприятия, эвакуированные с запада, расселять и кормить людей, оставшихся без крова, вновь отправлять сыновей и дочерей на войну. И работать, работать, работать.

Но окончилась и эта страшная война. Мирное время, а затем и перемены в жизни страны, дали тебе второе дыхание. Фронтовики, истосковавшиеся по семьям, уставшие от разрухи, голода и смертей, взялись за строительство, сельское хозяйство, учебу. Это было самое светлое время в твоей прожитой жизни. Выравнивались дороги, возводились дома, прихорашивались улицы. Появлялись новые предприятия, школы, магазины. Исчезла колючая проволока, часть барачников разобрана на дрова, а в других разместились вполне житейские предприятия. Ты повеселел, засиял окнами, зазеленел черемухой. Ты стал мастеровитым и рабочим городом. С рассвета и до позднего вечера ты работал: ремонтировал технику, отправлял поезда, строил дома, учил детей, делал множество всяких нужных дел. Ты жил. К тебе приезжали новые люди, оставались здесь, связывая свою судьбу с тобой, а кто-то и уезжал, рассказывая о тебе по всем уголкам Родины. У тебя были планы, идеи, были силы, все это выполнить.

Как тяжелая эпидемия, тебя подкосили перемены. Так и не заработал Тайшетский комбинат стройиндустрии, сталелитейный цех, на которые ты возлагал большие надежды. Постарайся простить за это страну: вот такая она у нас не предсказуемая. Все города находились в таком же положении.

Ты враз подряхлел – это был удар под самое сердце. Но ты выдержал, не умер, не сдался. Долгие годы ты медленно возвращался к жизни. Сменилось поколение твоих жителей, их стало меньше, молодые уезжали в поисках своей судьбы в чужие стороны. Каждый выживал, как мог. А тебе пришлось учиться по-другому смотреть на мир, по-другому планировать свою жизнь. У

тебя не стало крепкого помощника-рабочего класса, у тебя почти не стало своих товаров, своих предприятий. Ты стал всё привозить из соседних городов, быстро приспособившихся к новым условиям. Тебя спасла железная дорога: поезда продолжали ходить, возить пассажиров и грузы – ты был ей нужен. Ты стал нужен и богатым владельцам предприятий: твое расположение на железнодорожном узле оказалось очень выгодным и заманчивым для алюминиевой промышленности. Тебе стали обещать выполнить многие твои просьбы. Ты знаешь: эти предложения – новые рабочие места, новые стимулы развития, твой дальнейший рост как города. Но тебя волнует и другая сторона. Ты прекрасно понимаешь – тяжелое производство – это гибель твоих легких, грязный воздух, твои больные жители. Будь мудр, будь принципиален, принимая это решение. Тебе ещё предстоит прожить много лет, сделать много дел. В тебе есть силы для реализации задуманного. И мы верим в тебя, наш город!

Кумовья

– Сволочь ты! Ведь знал, что приду, а хлеба чёрного не купил! И горчицы опять у тебя нет! Вот и говорю – сволочь ты!

– Да пошёл, ты! Вечно на тебя не угодишь! Приехал – сиди, ешь да заткнись!

– Вот я и говорю – сволочь! Даже слово сказать не даёшь! И мясо пожалел – мало нажарил!

– Да и это отберу, будешь сидеть и смотреть!

– Так я тебе и отдам! Вот, кум, скажи, ну, почему так – вот сволочь ты, а ведь уже тридцать лет вместе! И все знают – самый лучший кум – это у меня! И, знаешь, завидуют! У них такого-то нет!!

– Да это ты вреднющий, до жути! Действительно, как это мы с тобой вместе?! Ну, давай, ещё по маленькой, пока наши там тренькают!

За столом небольшой комнаты сидят двое мужчин. Седина и морщины в открытую, не таясь, рассказывают об их возрасте. Пьют

помаленьку, не для того, чтоб напиться, а для общения. Выдался свободный вечерок, давно не виделись, на улице зима – самое время, не торопясь, посидеть, побалаболить. Жареное мясо почти доедено – на сковороде осталось чуть-чуть, зато сало подрезается морозное по мере исчезновения с тарелки, да солёные огурцы дразняще пахнут летом и укропом. Сидят уже второй час. Их жены, знакомые ещё со школьной скамьи, уже попили чай и расположились на диване во второй комнате, неспешно разговаривают обо всем в подряд, как могут говорить давние подружки. Они слышат, о чем разговаривают мужья, посмеиваются над их перепалкой. За тридцать лет всякое бывало. Бывало, что кумовья и по серьёзному обижались друг на друга, но они-то, их жены, между собой давно решили раз и навсегда: мужики могут и ругаться, но а им делить нечего. Они привыкли к их манере разговора, понимая, что за грубыми словами прячется теплота общения, переживания и долгая дружба.

– Кум, помнишь, как мы тогда-то, после Троицы, там, у развилки, по домам после речки разъезжались? О-о-о! Меня потом мужики спрашивают, с кем это я там в одних плавках под дождём прыгал? А я им гордо говорю: – «Это мы с кумом прощались!» Слушай, мы что, совсем тогда ничего не соображали?

– Да не говори! Как вспомню, так вздрогну! Повторить уже слабо будет! Давай по кофеёчку! И покурим!

Они накинули куртки и вышли на улицу. В окно было видно, как они стояли около крыльца, один с сигаретой, а другой что-то очень бурно ему рассказывал, сопровождая слова такой живой мимикой, что интересно было просто смотреть, даже пусть и не слыша слов. В ход шли руки, прыжки, изображалась чья-то походка, чьи-то движения. Глаза то распахивались, то почти закрывались в прищуре, даже усы, казалось, топорщились под смысл слов. А второй стоял, курил и посмеивался, редко вставляя свои слова. Один был шустрый, подвижный, другой – поспокойнее, помолчаливее. У обоих по двое детей, по двое внуков. Оба души не чаяли в них, хотя и по-разному выражали свои чувства. Оба не раз выручали друг друга в каких-нибудь ситуациях, оба ценили свой дом и семью. Но и в семье один был мягкий, любил что-нибудь мастерить – то внукам горку делает, то снежные фигуры вырезает,

то ещё очередную полочку вымудрит. Другой такие дела не любил, больше рассчитывал на «купить», но в жизненных разворотах был более сведущ, решителен, всех и все знал. К жёнам тоже относились по-разному: один очень редко позволял повисить голос, другой, наоборот, мог и грубо при людях сказать. Но, наверное, разные люди и притягиваются к друг другу, дополняя в себе отсутствующее.

Вернувшись, подсели к жёнам. Разговор закрутился на общие темы, зацепили прошлое и настоящее, и им было приятно и вспоминать, и пофантазировать. И опять один больше слушал, а если говорил, то мало, а второй артистично рассказывал, с театральными паузами, с мимикой, играя голосом, жестами. Хохотали, правда, оба над шутками, громко и с удовольствием. Зацепились за разговор жён своих:

– А что, подруга-то ваша, совсем откололась?

– Да живёт, ну разошлись да разошлись. У неё своя жизнь. Здороваемся, зла не держим. Но и в душу не пускаем.

– Да это кум виноват!

– Я-то причём!?!

– Да обиделась она на тебя! Кто ее на санках не стал катать?

– Это когда? Сто лет назад на дне рождения?

– Конечно!! Она так хотела кататься, а ты, сволочь, не мог даму ублажить!!

– Да пошёл ты! Вот, кум, ну докопался! Сам бы катал!

– Да я б надорвался!!

– Да-а-а, а дама-то обиделась!!

Жены, зная истинную причину давно сломанной дружбы с третьей своей подругой, посмеивались над их перепалкой. Им нравилось вот так быть всем вместе, шутить, отдыхать душой, без той бабьей ругательной болтовни, когда ищут кого-то крайнего, высказывают обиды на жизнь, соседей, коллег. Они даже если и говорили про кого-нибудь, то не было у них зависти, злобы, и жаба, как говорится, их не давила. Они знали ещё и другое: у мужей у обоих болели сердца. Только один молча переносил тянущуюся боль, честно говоря, ну не и так часто его достававшую, все таил в себе, как бы стесняясь объявлять о своей болячке, только и позволял иногда днем прилечь, если сердце вдруг

начинало резко колотиться или наоборот замирать, а другой болел серьёзно, шумно, с больницами и реанимациями. В груди у него хлюпало и сипело, сердце работало тяжело и надрывно. Он и выглядел старше своего возраста, как-то плавно уже перейдя из мужиков в старики, плечи окостлявились, ввалившиеся щеки сразу же выдавала отрастающая щетина. В моменты хорошего состояния он как-то подтягивался, глаза поблёскивали ещё даже очень ничегошним блеском, и, главное, в глазах пропадала та мутная пелена, свойственная людям, уже видящих порог жизни. И все четверо понимали, что тридцать лет дружбы – срок очень достаточный, чтобы ценить жизнь. И что кто-то из них когда-то будет первым....

– А что, кум, пойдём-ка, ещё раз по кофеёчку вмажем!

– Давай! Хоть у тебя на халаву кофеёчку попить! Раз мясо уже съели!! Говорил тебе, мало нажарил!

– Да пошёл ты!!

– Ну, говорю же, сволочь!

Июль 2009 г.

Мужские посиделки

Хорошее событие, конечно же, надо отметить! А тут сам Бог велел – День рождения Васильича. Пусть не юбилейная дата, но надо уважить человека! Мужиков было пятеро. Все они работали вместе, в одних мастерских, лишь Сёмка Малой, молодой детина под два метра, работал электриком, но был своим, так как всегда крутился рядом. Остальные занимались ремонтом техники: кто слесарил-токарил, кто сварщиком работал, кто по совместительству столярничал в боковой комнатке. Подготовились они обстоятельно. Нет, не в части объёма хрустальной слезы! Обстоятельно отнеслись к закуске: отварили свежей картошечки, зелень была всевозможная, сальцо и копчененькое, и солёненькое! Хариузок свежего посола серебристо блестел на тарелочке, огурчики с помидорчиками! Это вам не один сырок с хлебом! В магазин за

колбасой не побежали: в селе, хоть и не совсем маленьком, за ней не сильно гонялись – пусть городские её жуют, из бумаги деланную! А мы уж, по-крестьянски, своё и свеженькое! Как и самогон! Васильич гнал его умопомрачительно! На кедровых орешках настаивал! Цвет получался красивый, густо-чайный, и пилаась чарка для души, не для дури!

Расположились за столом для курения, который в летнее время был на улице, за углом мастерских. Сейчас как раз там солнышко пригревало, ветерок с недалёкой протоки мух отгонял, да и вид открывался глазу приятный: к речке спуск желтел песком изрытым, берёзы закрывали вид на дома и постройки. А на той стороне – совсем пасторальная картинка: лес, поля, солнышко, спускающееся за горизонт.

Ну, начали, как всегда: здоровья пожелали, успеха, удачи, детей-внуков, быстрых ног, зорких глаз. Про рыбалку не забыли. Пожелали ещё такого, что не для женских ушей, но приятно! Похвалили рыбку, Васильичем пойманную, порасспросили где и как. Выслушали подробности. Пообсуждали машины: преимущества одних и неполадки в других. Проехались по работе, поругали руководство, поматерили политику и кризис. Выпили ещё, чтоб смыть горечь тем. Охмелели. Разомлели. И пришло время говорить про женщин. Не верьте, что мужики не любят болтать и разговаривают меньше баб! Под пузырьёк такое наговорят, все темы перетрут, почище кумушек на базаре! И эмоционально от них не отстанут! Всё зависит от собеседников и объёма выпитого!

Зацепились в первую очередь за слова Лёшки. Вот мужик уже в возрасте, не пацан, а как-то не пристроен в жизни: второй раз женат, про детей от первого брака и не вспоминает. Алименты высчитывают, и всё. Этим его родительские обязанности и исчерпываются. Со второй женой живёт как-то недружно, без уважения, какие-то разборки вечные, обиды, упрёки. И зовут его Лёшка, без отчества так, снисходительно.

Видно, раздражение у него на всех баб было, что высказался про свою жену грубо. А Иваныч, мужчина далеко за пятьдесят, его поправил:

– Ты же живёшь с ней, спишь с ней, что ты так уж, матом. Если её не уважаешь – разведись. Только слабак на бабе зло срывает.

Лёшка было дернулся – не понравилось ему высказанное. Да Петро его осадил, ещё по одной налил, выпили. Раздражение прошло, мужики вообще-то общались давно и всегда мирно. Тут разговор и перешёл на жён: тема касалась всех, все были женаты, стаж семейной жизни, правда, был у каждого свой. И жён знали у всех, да и вся жизнь здесь, в селе, была на виду. Сёмка вон по молодости не нагулялся – так ходил на сторону, пока детей три года не было. А как дочка родилась – всё, весь в семье, и, кроме жены, никого не надо. Васильич – тот всю жизнь прожил тихо, мирно, как женился на своей Марии, так и ровно-гладко живут. Без выкрутасов, без фортелей, детей вырастили, внукам теперь пироги пекут. Обоих такая тихая жизнь устраивает. Петро, наоборот, и попил в молодости, и погулял. Правда, из дома не бегал, дом для него был Дом, да и детей любил. Меру знал, не заигрывался. Видно, душа его требовала полёта, как он сам про себя говорил. Но к пятидесяти годам как-то враз присмирел, завёл плотное пузико, даже пьянки прекратились. Только, когда кто-нибудь из молодых проходил мимо, поведёт своими бесшабашными глазами вслед, взглядом погладит, вздохнёт, да и займётся своими делами. Честно говоря, были бабы, страдали по его крепким рукам, что ж поделаешь – видный мужик!

И стали они вспоминать и рассуждать: как познакомились, где встречались, как ругались и мирились, кто кого ревновал, кто кого обижал, кто кого прощал. И тут обратили внимание, что Павел Иванович как-то выпал из общего разговора: сидел в сторонке и отмалчивался.

Сам-то Иванович был человеком своеобразным. С одной стороны – спокойный, душой лёгкий, в своих мыслях зачастую блуждающий; ни в пьянках, ни в хождении на сторону замечен не был. С другой стороны – мог так подколоть острым словечком, разыграть беззлобной, а иногда и ехидной, шуткой – ну, хоть стой, хоть падай! А жена, Нинка, у него была обыкновенная: и внешность неброская, и крепкой не была, росточка среднего, да характера решительного. Могла и руку приложить, хотя ругаться не умела. Чтоб материлась – никто не слышал.

Мужики подозревали, что Иваныч у неё «под каблуком» находится, сильно не задевали его словами на эту тему. И только в

ответ на его подковырку иногда огрызались: «Ты бы свою Нинку подкусывал!» А тут сидит мужик и не жалуется на судьбу свою.

Удивились сильно, пристали с расспросами. Пётр даже каверзный вопрос задал: «А что, Иваныч, ты жене, действительно, ни разу не изменял?»

Конечно, по трезвянке такой вопрос и язык не повернулся бы задать, а тут на фоне общей интересной темы как-то естественно всё и вышло.

Не сразу ответил Иваныч. Запустил руку в седые волосы, помусолил и без того взъерошенный свой чуб, что-то прикинул в мыслях, собирая их в ответ, улыбнулся: «А зачем? Мы ж любим друг друга».

И было столько в этой улыбке нежности, той потаённой ласки, которой не нужны доказательства, слова, клятвы, что видишь и веришь: да, бывает и она, Любовь, в жизни. И глаза у Иваныча стали такие счастливые, такие блаженные, и смотрели они куда-то внутрь души, туда, где, видимо, очень надёжно оберегаемый, жил образ любимой женщины.

И замолчали мужики, поняв, что соприкоснулись с чем-то таким, ими, к сожалению, не испытанным, а может, просто позабытым или незамеченным. И примерили к себе услышанное, позавидовав по-светлому, покопались у себя в памяти. Задумались. А слова кончились, ибо зачем слова, когда всё ясно по глазам.

Солнышко меж тем уже только одним глазком подглядывало из-за горизонта, в углах просыпалась темнота, село гомонить стало тише.

– А завязываем, однако, мужики, с посиделками. Пора по домам, пока наши не прибежали! – погладил Пётр свой живот и засуетился, убирая со стола. Все стали ему помогать, и через десять минут дружно потопали по домам. Шли, курили, изредка перебрасывались неважными словами, поддерживали друг друга на рывтинах. И уносили в душах тихое и светлое чувство – чувство любви.

Июнь 2009 г.